

ЭНН РУЛ

ФЕТИШИСТ

ИСТОРИЯ
ДЖЕРРИ БРУДОСА,
«ОБУВНОГО МАНЬЯКА»

INSPIRIA

Москва
2024

УДК 821.111-94(73)
ББК 84(7Сое)-44
P85

Ann Rule
LUST KILLER

Copyright © 1983 by International Literary Properties LLC
Публикуется по специальному соглашению с Renaissance Literary
& Talent (США) при участии Игоря Корженевского
из Агентства Александра Корженевского, Россия

Рул, Энн.

P85 Фетишист. История Джерри Брудоса, «обувного маньяка» / Энн Рул ; [перевод с английского И. Д. Голыбиной]. — Москва : Эксмо, 2024. — 320 с.

ISBN 978-5-04-199054-1

Для своих соседей Джерри Брудос был мягким и тихим человеком, несмотря на внушительный вид. Для работодателей — опытным и трудолюбивым электриком, мастером на все руки. Для своей жены — хорошим мужем и любящим отцом, несмотря на странный запрет заходить в его мастерскую в гараже и любовь к переодеваниям в женское белье. А для полиции Орегона Джерри Брудос был монстром, убивавшим девушек, фетишистом-коллекционером туфель и белья своих жертв... вместе с их частями тела в огромном морозильнике. Его фетиш стоил жизни молодым женщинам, которых он обманом завлекал в свою мастерскую, пока жены не было дома.

Классик литературы тру-крайм Энн Рул рассказывает историю становления знаменитого американского маньяка — от невинного любопытства до извращенных фантазий, от краж со взломом до жестоких серийных убийств.

**УДК 821.111-94(73)
ББК 84(7Сое)-44**

© Голыбина И. Д., перевод
на русский язык, 2024

© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2024

ISBN 978-5-04-199054-1

Книга посвящается Альберту Говони, издателю «Настоящего детектива», с благодарностью за четырнадцать лет дружбы и огромный вклад в украинскую литературу.

ПРОЛОГ

Она низко склонила голову, пряча лицо от порывов ветра с дождем, и переложила тяжелый чемодан из одной руки в другую. Было 26 января 1968 года. Ей недавно исполнилось девятнадцать; она была хорошенькая, стройная и... в отчаянном положении. Разъездная торговля энциклопедиями оказалась совсем не той блистательной карьерой, какую прочил ей региональный менеджер. Работа была тяжелая и неблагодарная. Каждое утро она выходила из своего дома в Алохе — пригороде Портленда в Орегоне, — полная энтузиазма, и каждый вечер возвращалась без единой продажи. Она знала, что достаточно продать всего один набор энциклопедий и атласов вместе с пачкой полагавшихся к ним буклетов, чтобы внести месячную плату за аренду жилья, закупить продуктов, а то и позволить себе что-нибудь из одежды. Только поэтому она и продолжала — каждый день думая, что сегодня это случится. Она внимательно слушала инструкторов, наставлявших таких же, как она, коммивояжеров, и запоминала их «продающие приемы». Она даже тренировалась у себя в спальне перед зеркалом, но настоящие покупатели реагировали совсем не так, как «тренировочные» на занятиях.

Когда она стучалась в дома, люди нетерпеливо трясли головами и захлопывали дверь у нее перед носом. Если ей давали наводку, оказывалось, что клиент не особенно заинтересован в покупке — в противовес тому, что ей говорили. У большинства тех, к кому она попадала, на полках не было ни одной книги, и ей не верилось, что они готовы потратить несколько сот долларов на набор энциклопедий в переплетах из натуральной кожи. Наилучшей тактикой считалось давить на то, что их дети преуспеют в школе и вырастут докторами, профессорами и адвокатами, но ей стыдно было применять так называемый «прессинг вины».

— Вы разве не хотите, чтобы ваши дети имели преимущества, которых не было у вас? *Все* неравнодушные родители покупают энциклопедии для своих детей, вы же сами знаете.

Ей приходилось сидеть на диванах, настолько изношенных, что протертые места на них были прикрыты пледами или полотенцами, и убеждать их владельцев, что лучшим ответом на бедность будет приобретение ее товара. Она же видела, что этим людям и без того тяжело выживать. Она понимала, что, сделав покупку, они будут вносить платежи по рассрочке за ее дорогие книжки несколько лет. И пускай даже никто у нее ничего не покупал, ее преследовало ощущение, что она делает этим людям только хуже, напоминая об их бедственном положении.

В богатых домах, где она порой оказывалась, энциклопедии были и так. А люди там напоминали о бедственном положении *уже ей самой*.

Линда Слоусон переехала в Алоху из Рочестера в Миннесоте. С чего-то она решила, что климат там теплый и мягкий. Представляя Орегон и Западное побережье, она думала о Гавайях и Калифорнии. Боже, как же она ошибалась! В Портленде выпадало столько осадков, что она постоянно промокала до нитки. Морось ли, убористый дождь или бешеный ливень — с неба постоянно текла вода. Местные говорили, что летом будет получше, что ей следовало приехать в Портленд на Фестиваль роз в июне, но...

У нее болели ноги. Не надо было надевать туфли на каблуках, но она подумала, что от остановки автобуса до адреса, который дали ей в компании, между 47-й и Хоуторн, совсем недалеко. Ей нравилось красиво одеваться — чтобы произвести выгодное впечатление на покупателей. Но туфли на шпильках в темный дождливый вечер оказались крайне неудачным выбором.

Руки онемели от чемодана, набитого тяжеленными книгами, и от их веса у нее разболелась шея. Как только она доберется до своей квартирки в Алохе, то сразу нальет себе горячую ванну и выкинет из головы эти чертовы энциклопедии. Она остановилась под фонарем, поставила чемодан на землю и поискала в сумочке листок с адресом. Под дождем чернила сразу потекли, и она не могла понять, что там указан за номер — 1541 или 1551, а может, 1451. Больше всего ей хотелось просто сунуть листок назад, сесть на следующий автобус и отправиться домой.

В нерешительности она снова пошагала по улице. И тут увидела в одном из дворов мужчину. Может,

с ним ей повезет? Он посмотрел в ее сторону, а потом помахал рукой — как будто ждал ее.

Она улыбнулась незнакомцу.

— У меня назначена встреча. Я должна показать покупателю энциклопедии. Это вы?

Он улыбнулся в ответ и пригласил ее входить. Мужчина был крупный, но не толстый, с лицом, круглым, как луна.

— Входите.

— Ах, так это вы! Я уж думала, что заблудилась. — Она двинулась к центральному входу, но мужчина подхватил ее под локоть, увлекая за собой на задний двор.

— В доме слишком шумно. А внизу нам никто не помешает. У меня в подвале мастерская. Я очень хочу купить энциклопедии. Вы же не против?

Она покосилась на него, охваченная противоречивыми чувствами. Он был большой, но выглядел безобидным. Этаким увалень, к тому же он вроде бы серьезно настроен купить, а такого у нее давным-давно не случалось.

— Ну что ж...

— В доме моя мать с моей дочерью, да к ним еще и гости пришли. Там дым стоит коромыслом. А я хочу послушать, что вы будете рассказывать.

— Хорошо. Конечно.

Она прошла за ним в подвал через задние двери и присела на табурет, который он ей придвинул. Услышала шаги наверху — потолок у них над головами заскрипел.

— Итак, — начал он, — расскажите мне об энциклопедиях. Я могу приобрести их прямо сегодня?

— Вы можете их заказать. Я доставлю вам весь комплект... скажем, через неделю. Если у вас есть маленькая дочь, вы, возможно, заинтересуетесь также нашими детскими книжками. Сколько ей?

Он как будто отвлекся и ответил не сразу.

— О... ей всего шесть — но она умница. Уже учится читать.

— Прекрасно. Вот, давайте я вам покажу. — Она потянулась открыть чемодан с брошюрами и образцами книг.

— Сейчас я включу свет.

Он сделал шаг у нее за спиной. Она услышала, как он завозился там, и начала оборачиваться.

Последним, что почувствовала Линда Слоусон, был удар по голове. Она тяжело рухнула с табурета, искры посыпались у нее из глаз, в ушах загудел колокол, а потом черный бархат окутал все вокруг.

Он тяжело дышал, хотя не потребовалось практически никаких усилий, чтобы ударить ее по затылку обрезком трубы. В следующий миг раздался гулкой стук — она повалилась на пол, как камень.

Он присел рядом с ней на корточки и проверил, дышит ли она еще. Ему показалось, что ее ребра слегка шевелятся. Тогда он схватил ее обеими руками за шею и с силой сжал. Шейка была такая хрупкая — он практически чувствовал, как тонкие косточки ломаются под его пальцами. Убедившись, что она мертва, он разжал ладони и посмотрел на нее сверху вниз.

Он был в восторге. Он так долго фантазировал об этом, столько мечтал. Много раз был на самой грани,

а теперь сделал это, и она принадлежала ему. Он мог делать с ней что хочет.

Ему не нравились ее волосы. Слишком короткие — из-за них она похожа на мальчишку. Он предпочел бы женщину с длинными распущенными волосами. Как на тех картинках, которые он коллекционировал. С другой стороны, это не так уж и важно — у нее отличное тело, а на ногах туфли с каблуками, именно такие, как ему нравятся.

Над головой простучали шаги, и он вздрогнул, ошеломленный. Он не сможет сделать с ней то, что задумал, если его бестолковая мамаша решит спуститься к нему вниз. *К черту ее*. Он всегда терпеть не мог свою мать; и угораздило же ее торчать здесь именно сегодня, когда у него все так хорошо складывается!

Он постарался успокоить дыхание, взял себя в руки и поднялся наверх. Мать была там — играла с его дочкой. О нем она никогда особо не заботилась, но теперь обожала приходить посидеть с внучкой. Да и жена пользовалась любой возможностью сбежать от него, поэтому с радостью впускала старую жабу, стоило ей появиться на пороге.

— Умираю с голоду, — буркнул он. — Но ужин готовить не надо, лучше возьми ребенка и сходите поесть гамбургеров.

— Там же ливень! Погода ужасная. Может, я сделаю...

Не слушая ее, он вытащил из кошелька пятидолларовую купюру.

— Я хочу двойной чизбургер. А себе берите, что захотите. Посидите там, поешьте, а мне закажите,

когда соберетесь домой. Не торопитесь. Когда вернетесь, постучите в пол.

Наконец они ушли, и он бегом помчался назад в подвал. *Проклятие!* Опять шаги наверху — тяжелая мужская поступь. И кто-то зовет его по имени.

Он торопливо подхватил тело под мышки и отволок в темный угол под лестницей. Чемодан с книгами затолкал туда же. Потом вышел из задних дверей и направился к центральному входу. В прихожей маячил Нед Роулз, его приятель. Весь такой довольный — расхаживал там, будто у себя дома. Да уж, не стоило давать ему ключи.

Пришлось поболтать с Недом, стараясь не показывать нарастающего нетерпения. Вот-вот нагрянут мать с ребенком или жена с младенцем вернутся. Он посмеялся шутке Неда, потом сказал, что должен кое с чем закончить в мастерской, и пообещал позвонить позднее. Целых десять минут ушло на то, чтобы вытолкать приятеля из дома и усадить его в машину.

Снова спускаясь в подвал, он так и дрожал от предвкушения. Вытащил девушку из-под лестницы — она была ужасно бледная. С виду совсем как живая, вот только белая как мел. Как большая кукла. Вся его — готовая с ним поиграть.

Блузка и юбка у нее были неинтересные. Ему нравились изысканные вещи, а эти совсем не произвели впечатления.

Зато когда он ее раздел, его ожидал приятный сюрприз. Несмотря на мальчишескую стрижку и простенькую одежду, она носила восхитительное белье. Голубой лифчик и пояс для чулок, а под по-

ясом ярко-красные трусики. Вот они оказались идеальными — лучше он и сам бы не выбрал.

Он смотрел на ее белье, прикасался к нему, потом стал снимать, предмет за предметом, уделив красным трусикам особое внимание. Потом опять надел лифчик, и трусики, и пояс, тщательно застегнув все крючки. В этом он поднаторел. Столько раз упражнялся!

Ему хватило времени поиграть с ней, прежде чем мать вернулась домой с гамбургером для него, — но все равно он рассердился, когда она постучала в пол. Пришлось подниматься, благодарить ее, потом сидеть и есть, словно он голоден. И все это время *она* терпеливо дожидалась его в подвале. Мысленно он таял от удовольствия. По крайней мере, *она* не уйдет и не бросит его — пока он сам не решит от нее избавиться.

Когда он вернулся к ней, она сидела там, где он ее усадил. Он подумал заняться с ней сексом, но потом решил, что это будет лишнее. Он упрекнул себя за то, что не запасся пленкой для фотоаппарата. Это было важно — а он забыл. Но он же не знал, что девушка-коммивояжер сама заявится к нему и ее будет так легко обмануть и заманить к себе в логово.

Однако у него было много других сокровищ. Все эти скользкие кружевные трусики и лифчики, которые он крал столько лет. Он и сам не мог сказать, что ему нравится больше — прокрадываться в темные квартиры и красть белье, прислушиваясь, как дышит женщина во сне в паре шагов от него, или перебирать свою коллекцию шелка и гипюра, хранящего слабый запах их духов и кожи.

Раньше у него не было никого на роль модели. Он не мог показать коллекцию жене, потому что она стала бы его подозревать. Теперь же он выбирал бюстгалтеры, и трусики, и пояса с кружевными оборками, часами раздевая и одевая мертвую девушку. Красные трусики нравились ему больше всего. Они идеально ей шли.

Много лет он разрабатывал этот сценарий у себя в голове, никому о нем не рассказывая. Мечтал о том, что будет делать с похищенной женщиной. И нисколько не был разочарован сейчас, когда это происходило в действительности. Он знал, что не сможет держать ее у себя вечно, но хотел запомнить каждый свой шаг. В следующий раз он обязательно сделает фото.

Его жена приехала домой, поэтому он поднялся поговорить с ней. Сказал ложиться спать — ему еще надо закончить в мастерской. Он любил свою жену. Правда любил, потому что, как правило, она была милой с ним и не приставала, не досаждала ему. Однако многое изменилось с тех пор, как у них родился сын. Он хотел быть с ней в этот момент, прямо в родильной палате, но она предпочла остаться наедине с другим мужчиной. С врачом, а не с ним. Ему мучительно было думать, что она выбрала другого, а не его.

Когда они все уснули, он снова спустился в подвал. Еще поиграл с мертвой девушкой в переодевания, наслаждаясь тишиной, которую нарушал лишь мягкий шелест дождя за окнами. Надо было избавиться от тела до наступления утра. Очень жаль, но ничего не поделаешь. Однако кое-что от нее он со-